ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

*

INSTITUTE OF WORLD HISTORY

CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY

RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

70

DIALOGUE WITH TIME

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 70

М.: Аквилон, 2020. — 432 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 70

Moscow: Aquilo-Press, 2020. — 432 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564
Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2020
© Институт всеобщей истории, 2020
© Издательство «Аквилон», 2020
© Журнал «Диалог со временем», 2020
Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

АКВИЛОН

А. В. Малинов

ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И В.И. ЛАМАНСКИЙ

В статье рассматриваются отношения двух ученых, относящихся к разным поколениям: слависта В.И. Ламанского и историка А.С. Лаппо-Данилевского. Отмечается, что они придерживались разных идеологических и философских установок: славянофильство, с одной стороны, западничество, с другой. В то же время ученых объединял обобщенный подход к истории. Философия истории Ламанского продолжала историософию славянофилов и отчасти предвосхищала историческую концепцию евразийцев. Лаппо-Данилевский, напротив, сосредоточился на разработке теоретико-методологических и гносеологических вопросов исторической науки, ориентируясь на философские учения позитивизма и неокантианства. Общей их темой стала русская история XVIII в. Сближению Ламанского и Лаппо-Данилевского способствовала совместная работа в комиссиях Академии наук. Приводится сохранившаяся переписка ученых, позволяющая отчасти проследить детали их взаимоотношений.
Ключевые слова: *А.С. Лаппо-Данилевский, В.И. Ламанский, история, философия истории, университет, Академия наук, переписка, поколения, славянофильство*

Отношения А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) и В.И. Ламанского (1833–1914) еще не становились предметом специального рассмотрения. В обширной библиографии работ о Лаппо-Данилевском Ламанский упоминается крайне редко. Создается впечатление, что этих двух деятелей русской науки мало что связывало, хотя это далеко не так. Конечно, Ламанский и Лаппо-Данилевский принадлежали к разным поколениям ученых и даже придерживались различных мировоззренческих установок. Ламанский в открытую называл себя славянофилом, а для поколения, к которому принадлежал Лаппо-Данилевский, культурно-историческая идентификация на западников и славянофилов не была уже столь актуальной. Характер мышления, образ жизни, даже внешность Лаппо-Данилевского выдавали в нем русского европейца, больше всего, вероятно, симпатизировавшего взглядам западников на пути развития русской истории и культуры. По крайней мере, он не отделял Россию от европейской (западноевропейской) цивилизации и всячески старался поддерживать связи русской науки с европейским ученым миром. Лаппо-Данилевский уже мог себе позволить смотреть на споры западников и славянофилов более отстраненно, как, например, на полемику между восточниками и западниками среди русских книжников XVII в.[1]

Можно сказать, что Лаппо-Данилевский, как М.М. Ковалевский или П.Г. Виноградов, был «лицом» русской исторической и в целом социальной мысли на Западе: по его работам европейские ученые во мно-

[1] Диянов 2011.

гом судили о состоянии русской исторической науки. Впрочем, надо признать, что известность Лаппо-Данилевского до сих пор ограничивается почти исключительно русскоязычным научным контентом. Иное дело Ламанский, прямо противопоставлявший русскую цивилизацию или, в его терминологии, греко-славянский мир миру германо-романскому. Его известность в научных кругах ограничивалась славистами, преимущественно восточно-европейскими и австрийскими. Лишь латино-франко-итальянское издание архивных документов по истории Венеции нашло отклики в европейской науке[2]. Однако, как и в случае с Лаппо-Данилевским, Ламанский упоминается почти исключительно в отечественных исследованиях. В основе теории Ламанского лежало не просто противопоставление, а конфронтация двух цивилизационных миров, не способных прийти к согласию. С этой стороны его взгляды вступали в противоречие даже с учением ранних славянофилов, например, А.С. Хомякова, полагавшего, что лишь знакомство с научными и культурными достижениями Европы является условием самобытного развития русской образованности и просвещения[3].

Можно сказать, что, хотя Лаппо-Данилевский и не относил себя к последователям Хомякова, но отчасти старался привести в реальность славянофильский идеал самостоятельной и оригинальной русской науки, согласованно развивающейся с наукой западноевропейской. Достичь этого было тем сложнее, что область научных интересов самого Лаппо-Данилевского ограничивалась русской историей XVII–XVIII в., в изучении которой преобладание европейских концепций было не столь очевидно. Оставаясь европейцем по складу мышления и методологическим приемам исследования, Лаппо-Данилевский вынужден был искать свой путь в науке. Не будет преувеличением сказать, что в ученых Лаппо-Данилевский больше всего ценил самостоятельность мышления, смелость обобщений в сочетании с работоспособностью источниковеда и архивиста. Всеми этими качествами в полной мере обладал Ламанский.

Знакомство двух ученых произошло в Санкт-Петербургском университете. В годы обучения Лаппо-Данилевского на историко-филологическом факультете Ламанский исправлял должность декана. Вероятно, тогда же были заложены основы того глубокого уважения, которое Лаппо-Данилевский испытывал к своему старшему товарищу. Уважение это базировалось, надо думать, в первую очередь на личных качествах Ламанского, человека принципиального и готового пожертвовать административной карьерой ради науки. В 1885 г. он покинул должность декана, не желая быть проводником министерской политики по

---

[2] «Secrets d'État de Venise. Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV-e et au XVI-e siècle. Documents, extraits, notices et etudes» (1884). См., напр.: Hirsch 1884.

[3] Куприянов 2018b.

пересмотру положений университетского Устава 1863 г., а в 1899 г. окончательно оставил преподавание в Петербургском университете в знак протеста против увольнения Н.И. Кареева и И.М. Гревса.

Основной специальностью Ламанского была славистика, причем не столько славянская филология, сколько история славянских народов. Сам ученый считал себя больше историком, чем филологом. Многолетнее преподавание Ламанского в университете способствовало не только формированию научной школы, но и становлению истории славянства в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины.

Однако он проявил себя и на поприще русской историографии. Его ранние работы, преимущественно архивного характера, сосредоточились на русском XVIII в., в т.ч. истории Академии наук и М.В. Ломоносове. В фонде И.И. Срезневского в архиве РАН отложилось недатированное письмо Ламанского К.Н. Бестужеву-Рюмину, где он ссылался на свои работы по русской истории XVIII в.:

> «В записке, которая у Григорьева, – писал он, – указаны почти все мои статьи и документы, напечатанные мною в Чтен<иях>, Архиве, Летописях Тихонравова. Взятые вместе, они может быть при известных натяжках докажут, что и моего меду капля есть в новейшем движении Русской литературы относительно знакомства с 18 в. и что мои якобы голословные рассуждения о Петербургском периоде (в ст<атье> о Лом<оносове> и Акад<емии>) были основаны на непосредственном знакомстве с источниками. Можно указать, что и печатно обо мне вспоминали с благодарностью Пекарский (I том). Не знаю, говорил ли обо мне Чистович, которому я много сообщил и указал для Феофана»[4].

В письме упоминается список работ Ламанского, составленный К.Н. Бестужевым-Рюминым и В.И. Межовым. В том же фонде сохранился этот список, доведенный лишь до 1869 г.[5] По косвенным свидетельствам из письма Ламанского (ссылка на новое издание Ф. Палацкого 1869 г.) также следует, его можно датировать 1869 или 1870 г.

XVIII в. стал главной исследовательской темой и Лаппо-Данилевского, на протяжении двух десятков лет работавшего над докторской диссертацией «История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики». В конце жизни, перейдя на службу в Академию наук, Ламанский вновь вернулся к изучению XVIII столетия, а после смерти М.И. Сухомлинова с 1902 г. редактировал готовившееся собрание сочинений М.В. Ломоносова[6]. К сожалению, старческие недуги уже не позволили ему представить крупное исследование. Однако можно не сомневаться, что Лаппо-Данилевский внимательно следил за ходом работ своего академического коллеги. Более скрупулезное исследование, возможно, обнаружит и больше содержательных сов-

[4] СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 209. Л. 1.
[5] СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 330. Л. 1–1об.
[6] Куприянов 2018а.

падений в изложении и интерпретации событий и личностей XVIII в., предпринятое Ламанским и Лаппо-Данилевским.

Уже первая, еще студенческая публикация Лаппо-Данилевского была откликом на издание Ламанским документов из венецианских архивов. Ламанский снабдил издание предисловием, написанным со славянофильских позиций, примечаниями и собственными исследованиями на французском языке. В рецензии на этот обширный труд Лаппо-Данилевский остановился лишь на тех его сюжетах, которые содержали сведения по «собственно русской истории». Вначале он кратко охарактеризовал архивные публикации известного византиниста Ф.И. Успенского – ученика Ламанского. Наибольшее внимание молодого историка привлекли те разделы книги Ламанского, в которых имелись упоминания о том, как венецианцы и римские папы искали союза с Москвой для привлечения ее к войне против турок, надеясь, что русские войска поддержит православное население Балкан и Кавказа. Рецензент также приводил сведения о существовании «умственного движения в западной Европе в пользу православия или греческой веры вообще»[7] и повторял факты торговли русскими рабами, которые приводил Ламанский.

Еще одной точкой сближения двух ученых была философия истории. Оба они тяготели к теоретическим обобщениям. Впрочем, философия истории хорошо показывает и то, в чем они расходились. Философско-историческое учение Ламанского начало формироваться в первой половине 1860-х гг. и нашло законченное выражение в докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871) и трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). Это учение Ламанского имеет содержательные параллели с теорией культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, оно может считаться развитием славянофильской историософии. Ламанский относил свою концепцию к области политической географии, показывая влияние природно-климатической среды на становление цивилизаций и ход исторического развития. Ключевым фактором формирования самобытной культуры он считал богатый литературный язык, а современную цивилизационную борьбу воспринимал как соперничество языков. В трактате Ламанского можно найти не только зачатки геополитики, но и идеи, которые позднее стали разрабатывать евразийцы.

Подход Лаппо-Данилевского к философии истории был иным. Если концепцию Ламанского следует отнести к области историологии (теории исторического процесса), то Лаппо-Данилевский, напротив, сосредоточился на разработке вопросов исторической гносеологии (методологии истории), что отчасти объяснялось необходимостью читать курс «Методологии истории» на историко-филологическом факультете. Од-

[7] Лаппо-Данилевский 1884. С. 31.

нако, вероятно, Лаппо-Данилевский и сам тяготел к изучению, прежде всего, теоретико-методологических вопросов исторической науки. Ламанский, скорее всего, уже не мог оценить первые философско-исторические опыты Лаппо-Данилевского, которые были опубликованы, когда престарелый академик практически полностью отошел от дел.

Сочинения Лаппо-Данилевского и его переписка не содержат оценок славянофилов и их учения. Нет в них и рассуждений в славянофильском духе. Тем не менее, к славянофильствующей университетской профессуре он относился уважительно. Так, еще будучи студентом, Лаппо-Данилевский неоднократно посещал К.Н. Бестужева-Рюмина и, пожалуй, первым оценил его философско-теоретические наклонности. Необходимо также упомянуть убежденного славянофила О.Ф. Миллера: по его инициативе и под его руководством в университете было основано Научно-литературное общество, в котором во многом проходило интеллектуальное становление Лаппо-Данилевского. С почтением относился он и к Ламанскому – ближайшему другу Миллера еще со студенческих времен. В мае 1891 г., т.е. вскоре после начала преподавания, Лаппо-Данилевский писал М.А. Дьяконову: «на нашем факультете из старых профессоров – Ламанский человек хороший и стойкий. Васильевский тоже симпатичен кое в чем. С остальными не хочется иметь дела»[8].

Избрание Ламанского в Академию наук в 1900 г. проходило уже при непосредственном участии Лаппо-Данилевского. Вероятно, это было первое голосование в Общем собрании АН, в котором он принимал участие. Голосование проходило 15 января 1900 г. Приказ же об утверждении Лаппо-Данилевского адъюнктом (с 4 декабря 1899 г.) вышел только 8 января 1900 г., а отношение министра народного просвещения на имя Августейшего Президента АН, согласно протоколу общего собрания АН, появилось лишь 15 января 1900 г., т.е. в день голосования[9]. Записку об ученых трудах Ламанского составлял академик А.А. Шахматов. Избрание Ламанского во многом соответствовало планам Лаппо-Данилевского по русификации Академии наук, т.е. избранию на освобождающиеся кафедры в первую очередь русских ученых вместо немецких. Сразу после голосования в Академии наук по кандидатуре Ламанского Лаппо-Данилевский первым приехал его поздравить, что отметил в своем дневнике новоизбранный академик. Подчеркнем еще раз, Лаппо-Данилевский не разделял славянофильских взглядов Ламанского, поэтому помимо личного уважения основой для такого поступка могло быть признание научных заслуг старого профессора.

С избранием Ламанского ординарным академиком начался наиболее плодотворный и тесный, хотя и не продолжительный, период их со-

[8] Цит. по: Ростовцев 2004. С. 61.
[9] СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 101. Л. 18 об.–19.

трудничества. Фонды Ламанского и Лаппо-Данилевского в Петербургском филиале архива РАН отчасти позволяют проследить хронологию их общения. К сожалению, переписка носила исключительно деловой характер, поскольку содержательные контакты сводились к личным беседам и обсуждениям в Отделении АН. В записках Лаппо-Данилевский чаще всего пытается согласовать даты заседаний различных академических комиссий, в которых он состоял вместе с Ламанским. Однако та же переписка показывает, что их сотрудничество началось значительно раньше избрания обоих в Академию наук, а именно в связи с участием в археологической комиссии. Письма были отправлены с домашних адресов Лаппо-Данилевского (10 линия В.О., д. 17, кв. 8 – 1893 г.; 9 линия В.О., д. 44 – 1904 г.; Николаевская набережная, д. 1 – после 1904 г.) на домашний адрес Ламанского – ул. Звенигородская, д. 32, кв. 1.

Первое из дошедших до нас писем не датировано. «Заседание Русского отделения можно назначить на четверг, 21-го января, – писал Лаппо-Данилевский. – Надеюсь, что этот день не окажется для Вас неудобным. 15-е число, которое Вы указывали мне при свидании, оказалось неудобным для второго референта: А.В. Половцова; он просил переместить заседание на неделю, на что согласился и наш председатель»[10]. Вскоре он вновь сообщал Ламанскому: «Опять без вины виноват перед Вами. Гр. Бобринский не располагает вечером 21-го, поэтому придется собраться 25-го января, в понедельник, если у Вас этот вечер будет свободен. Будьте добры, известите меня об этом возможно скорее»[11]. В этом же послании он сетует на то, что не застал Ламанского в университете. Скорее всего, упомянутое заседание состоялось только в начале февраля 1903 г., о чем Лаппо-Данилевский извещал Ламанского 1 февраля 1903 г.: «Собрание Отделения Русской и Славянской Археологии назначено на пятницу 5-го февраля, о чем я уже говорил и Вам с неделю тому назад при случайной встрече. Начало собрания в 8 часов, причем надеюсь Вам не трудно будет читать *первому*, т<ак> к<ак> не хотелось бы давать первое место представлению с волшебным фонарем, которым Половцев думает открыть археологическую масляницу»[12].

Десятилетие спустя Лаппо-Данилевский привлек Ламанского к работе в академической комиссии по архивной реформе. 14 октября 1903 г. он отправил Ламанскому «открытое письмо» следующего содержания: «Вы просили напомнить Вам, что завтра 15-го в среду в 1½ д<ня> назначено заседание Комиссии об архивной реформе (до заседания Историко-Филологического Отделения, назначенного на 2 часа)»[13]. Вероятно к этому же заседанию может быть приурочено и недатированное пись-

[10] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 10.
[11] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 1.
[12] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 2.
[13] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 3.

мо, в котором Лаппо-Данилевский обращался с просьбой: «Будьте добры пришлите с подательницей моего письма бумаги, касающиеся проекта архивной реформы. Если позволите, я принесу их завтра на заседание, назначенное Вами в 2 часа»[14]. В скором времени в «Известиях Академии наук» появилась «Записка А.С. Лаппо-Данилевского о деятельности губернских ученых архивных комиссий»[15].

В письме от 16 марта 1904 г. он обращался к Ламанскому за консультацией: «Если позволите, я зайду к Вам в четверг между 3–5 или раньше 3-х с тем, чтобы воспользоваться Вашими указаниями относительно исторической Галиции в XIV в.; за них я буду Вам очень благодарен»[16]. Ламанский не оставил крупных и даже отдельных сочинений о Галиции, хотя неоднократно бывал там и поддерживал отношения с галицийскими москвофилами. Одна из первых публикаций Ламанского – компилятивный обзор статьи Циммермана из «Известий Венского географического общества», помещенный в 1859 г. в «Известиях Русского географического общества» без указания имени автора[17]. В скором времени (1861) Ламанский вступил в полемику с Н.Г. Чернышевским о литературном языке галицийских русинов[18]. В лекциях по истории славянских народов, которые Ламанский читал в университете, он также касался исторической судьбы русской Галиции. Безусловно, Лаппо-Данилевский мог рассчитывать воспользоваться не только знаниями, но и уникальной библиотекой Ламанского. Скорее всего, сведения о Галиции XIV в. были необходимы Лаппо-Данилевскому в связи с началом работы над изданием сборника «Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси» (СПб., 1907), включавшего статью историка «Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников» и ряд «заметок»[19]. Ламанский и сам прибегал к познаниям своего молодого сослуживца: в одном из недатированных писем Лаппо-Данилевский, отвечая на просьбу Ламанского, сообщал ему библиографию о «древнем янтаре», рекомендуя, в т.ч., исследование Р. Клебса[20]. Интерес к русскому XVIII в. сближал двух историков, отчасти сглаживая мировоззренческие противоречия, но в опубликованном первом томе докторской диссертации Лаппо-Данилевского[21] нет ссылок на работы Ламанского.

Одной из форм их совместной деятельности в Академии наук были заседания различных комиссий.

---

[14] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 9.
[15] Лаппо-Данилевский 1905.
[16] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 4.
[17] Ламанский 1859.
[18] Малинов 2018.
[19] Лаппо-Данилевский 1907.
[20] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 8.
[21] Лаппо-Данилевский 2005.

20 марта 1909 г. Лаппо-Данилевский писал Ламанскому:

Предлагаемую Вами тему, конечно, желательно иметь в виду для одной из премий; но на премию имени Шубинского мы можем только предлагать уже вышедшие в свет за последние 5 лет сочинения, преимущественно касающиеся рус<ской> истории XVIII-го века. Нет ли у Вас на примете такого сочинения?

В субботу мы поджидали Вас; заседание не состоялось, но мы решили предварительно частным образом навести справки о вышедших за последнее время трудах по рус<ской> истории, а затем уже собраться еще раз для окончательного решения.

Жалею, что в ближайшие дни не успею зайти к Вам, а потому и пишу Вам сегодня[22].

Отголоском обсуждений в комиссии на премию С.Н. Шубинского, возможно, является и единственное письмо Ламанского, отложившееся в фонде Лаппо-Данилевского. Приведу его полностью.

«16 м[ая] 1909.

Многоуважаемый

Александр Сергеевич.

Не согласитесь ли Вы и Дьяконов М.А. на следующую тему: "Деятельность Прав<ительственного> Сената в царств<ование> Елис<аветы> Петровны" или просто "Пр<авительственный> Сен<ат> в ц<арствование> Ел<изаветы> П<етровны>". Эта последняя Романова была ленива, правда, и мало образована, но умна и добрая сердцем. Семилетняя война, уничтожение или отмена смертной казни, Московск<ий> Унив<ерситет>, покровительство Ломоносову, которого по настоянию Св. Синода и немецкой партии (за члена борьбы и за борьбу в ак<адемии> с Шумахером и др.) чуть было не сослали в Сибирь или не предали казни (докум<ент> напечатан мною в Русск<ой> Бес<еде>). О насильственной смерти Ел<изаветы> П<етровны> я привел несколько указаний в моих Вам известных Secrets d'Etat de Venise стр. 425–6. Покойный В. Гр. Васил<ьевский> мне говорил, что в одном засед<ании> съезда историк<ов> в Берл<ине> на предложен<ный> вопрос Мин<истерству> (каф<едры?>) Нар<одного> Просв<ещения> (Прусск<ого>) отчего Правит<ительство> не продолжает издан<ие> писем Фридр<иха> II, был дан ответ: остановлено продолжение во избежание возможного недовольства и огорчения дружественной <неразб.> державы. Болотов в св<оих> зап<исках> (в моей кн<иге> стр. 425) и II т. Бартеневск<ого> Арх<ива> гр. Воронцова) довольно ясно указал на насильственную смерть Ел<изаветы> П<етровны> (Фридр<их> II и Екат<ерина>).

Как бы то ни было, но царствование Елис<аветы> Петров<ны> и по внешним и по внутренним делам (Фон Визин, Болтин, Десницкий – воспитались и образовались при Елис<авете>).

Наконец отмена смертной казни – чего то стоит. Да и к Радищеву (он сам отнесся бы иначе к Елис<авете>, чем к Екат<ерине>) Елис<авета> отнеслась бы иначе, чем Екатерина. Она не любила и Ломоносова, но отнеслась к нему потом любезно, благодаря лишь настояния Орлова, человека не образованного, но как цельного и не глупого русского человека, умевшего ценить Ломоносова.

Как бы то ни было, но деятельность Сената при Елис<авете> Петр<овне> была самостоятельнее, чем при Ек<атерине> II.

Простите старческую болтовню.

Ваш В. Ламанский»[23].

---

[22] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 5–5 об.

Письмо выдает непоследовательность и незавершенность мыслей Ламанского. Он явно предлагает исследовательскую тему на одну из академических премий, но тут же по ходу изложения дает свою характеристику Елизаветы Петровны и ее правления. Предложение Ламанского не содержит исследовательской программы, а, скорее, выражает отношение к исторической личности и ее эпохе. Любопытно, что он характеризует императрицу Елизавету почти в тех же выражениях, что и в письме М.П. Погодину, написанному полувеком ранее[24].

Последнее датированное письмо Лаппо-Данилевского относится к 30 октября 1910 г. и вызвано необходимостью назначить заседание очередной премиальной комиссии:

> «В Общем Собрании Академии 9 января с<его> г<ода> была образована комиссия для присуждения премии Симбирского дворянства, а 6-го ноября она должна представить доклад Общему же собранию о результатах конкурса.
>
> Вы состоите членом этой комиссии, а потому я и решаюсь побеспокоить Вас просьбою сообщить, когда устроить нам собрание (до 6-го ноября). На будущей неделе 3-го ноября (в среду) назначено м<ежду> пр<очим> "Соединенное Собрание Отделений – Рус<ского> яз<ыка> и Слов<естности> и Историко-Филологического". Не устроить ли нам заседание нашей комиссии в этот день в 1½ , т.е. до соединенного Собрания? Если Вы согласны, я уведомлю и других членов комиссии (они также должны быть 3-го). Если в ближайшую среду Вам неудобно, не откажите сообщить, когда нам собраться? М.А. Дьяконов, тоже член комиссии, к сожалению, живет за городом, и не всегда может быть; но на этой неделе он был в другой комиссии в пятницу.
>
> Вернее было бы, однако, иметь в виду среду.
>
> Во всяком случае, ожидаю от Вас указаний и жалею, что не могу лично побывать у Вас для того, чтобы сговориться: до среды еще много дел»[25].

Впрочем, были и менее формальные поводы для переписки. В одном из недатированных посланий Лаппо-Данилевский выражал благодарность «за присланные мне билеты и жалею, что не могу воспользоваться ими, т<ак> к<ак> поймал бронхит и избегаю пока посещать людные вечерние собрания. Билеты отослать не успел, ибо получил их в четверг днем»[26]. Можно предположить, что живое общение двух ученых давало и другие примеры не только формальных и деловых отношений. На один из них указывал А.Е. Пресняков. По субботам на квартире Ламанского проходили собрания, в которых участвовали университетские ученые, приезжавшие в Петербург славянские политические деятели и ученые, музыканты. Субботние вечера нередко превращались в импровизированные концерты. В ближайший круг общения Ламанского входили М.А. Балакирев и Н.А. Римский-Корсаков, а пасынок Ламан-

[23] СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 209. Л. 2.
[24] Барсуков 1904. С. 373.
[25] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 6, 6об., 7, 7об.
[26] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 11.

ского Н.М. Штруп считался женихом дочери Римского-Корсакова (свадьба не состоялась из-за болезни Штрупа). Яркое описание «суббот» у Ламанского оставил его зять В.П. Семенов-Тян-Шанский[27]. А.Е. Пресняков был дружен с Семеновым-Тян-Шанским, Штрупоми с В.В. Ламанским (сыном Владимира Ивановича). По свидетельству Преснякова, Лаппо-Данилевский также посещал эти вечера[28].

В отечественную историографию оба историка вошли как основатели собственных научных школ[29]. При этом Лаппо-Данилевский оказывал поддержку ученикам Ламанского как в университете, так и в Академии наук, добиваясь выделения им стипендий и т.п. В качестве примера приведу несколько выдержек из писем последнего университетского ученика Ламанского Н.В. Ястребова, узнавшего о решении своего учителя оставить преподавание и его избрании в Академию наук, находясь в заграничной командировке. Уже 8/20 февраля 1900 г. он сообщал ему из Вены: «телеграфировал, как было условлено, А.С. Лаппо-Д<анилевско>му; но пока из Академии ничего нет»[30]. Речь шла о материальной поддержке молодого ученого, который был направлен университетом за границу для подготовки диссертации по славянской истории. Письмо Ястребова Ламанскому из Праги 10/23 июля 1901 г. дает представление о противостоянии на историко-филологическом факультете:

> «То, что слышу от Ильинского о верховодстве в факультете Платонова и его близких (Форстена, Введенского и др.), не особенно утешает, принимая во внимание отношения Платонова ко мне, как человеку, близко стоящему к Вам и Л<аппо>-Данилевскому (к слову, последний недавно писал мне, что приедет из-под Дрездена в Прагу). А как Вы думаете, нужно будет мне обращаться к Платонову при ходатайстве о продлении командировки еще на ½ года? или довольно будет, чтобы Вы один и сами о том хлопотали? Ильинский рассказывает, Платонов сказал ему при отъезде: “Смотрите, помните: кто нас забывает, так тех и мы забываем”»[31].

Ламанский не был антагонистом С.Ф. Платонова, но в борьбе факультетских партий числился на одной стороне с Лаппо-Данилевским. Н.В. Ястребов признавал, что обязан «всемерной поддержкой» В.Г. Васильевскому, А.С. Лаппо-Данилевскому и В.И. Ламанскому[32].

Последним крупным издательским начинанием Лаппо-Данилевского в Академии наук стал сборник «Русская наука»[33], публикация которого растянулась на целое столетие[34]. Интересно, что идея аналогич-

---

[27] Семенов-Тян-Шанский 2009. С. 265–270, С. 442–443.
[28] Александр Евгеньевич Пресняков. 2005. С. 129.
[29] Лаптева 2005. С. 375–431; Ростовцев 2004. С. 295–297.
[30] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 1606. Л. 12 об.
[31] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 1606. Л. 84.
[32] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 1606. Л. 204 об.
[33] Смагина 2016; Малинов 2016; Корзун, Колеватов 2018.
[34] Судьба проекта «Русская наука». 2016.

ного проекта была высказана Ламанским в одной из его первых статей «О распространении знаний в России», опубликованной в журнале «Современник» в 1857 г. Ламанский сформулировал целую просветительскую программу, в т.ч. предложил создать «Общество Распространения Знаний», главную цель которого он видел в «издании полной русской энциклопедии наук, быть может, первой значительной лепте народа русского в сокровищницу общечеловеческого просвещения»[35]. Ламанский не смог реализовать свой проект. Уже после его смерти, Лаппо-Данилевский возглавил в 1916 г. академическую подкомиссию комиссии по подготовке сборника «Русская наука», идеология (в частности, восприятие науки как формы национального самосознания) и отчасти структура которого восходила к мыслям Ламанского. Было ли это совпадение сознательным выбором или следствием объективных потребностей отечественной науки, однозначно сказать трудно. Возможно, переписка Лаппо-Данилевского способна прояснить детали его замысла. Так же можно надеяться, что эпистолярное наследие ученого содержит дополнительные оценки личности и творчества Ламанского, реакцию на его работы или отклики на кончину старшего товарища.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 101.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 209.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 830.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 1606.

Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники 1889–1927. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. 968 с. [Aleksandr Evgen'evich Presnyakov. Pis'ma i dnevniki 1889–1927. SPb.: «Dmitrij Bulanin», 2005. 968 s.]

Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. XVIII. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 555 с. [Barsukov N. ZHizn' i trudy M.P. Pogodina. Kn. XVIII. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1904. 555 s.]

Диянов К.С. А.С. Лаппо-Данилевский о борьбе восточников с западниками // Вестник Омского университета. 2011. № 3 (61). С. 81–85 [Diyanov K.S. A.S. Lappo-Danilevskij o bor'be vostochnikov s zapadnikami // Vestnik Omskogo universiteta. 2011. № 3 (61). S. 81–85].

Корзун В.П., Колеватов Д.М. Сборник «Русская наука»: к вопросу о причинах неудач великого замысла // Мир историка и пространство истории. Сб. статей к юбилею проф. Н.Н. Алеврас / Под ред. Н.В. Гришиной, Т.А. Андреевой. Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 118–132 [Korzun V.P., Kolevatov D.M. Sbornik «Russkaya nauka»: k voprosu o prichinah neudach velikogo zamysla // Mir istorika i prostranstvo istorii. Sbornik statej k yubileyu professora N.N. Alevras. Pod red. N.V. Grishinoj, T.A. Andreevoj. CHelyabinsk: EHnciklopediya, 2018. S. 118–132].

Куприянов В.А. Ломоносоведение в творчестве В.И. Ламанского // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2018a. Вып. 30. С. 218–234 [Kupriyanov V.A. Lomonosovedenie v tvorchestve V.I. Lamanskogo // Veche. ZHurnal russkoj filosofii i kul'tury. 2018a. Vyp. 30. S. 218–234].

Куприянов В.А. Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А.С. Хомяков и В.И. Ламанский) // Соловьевские исследования. 2018. № 2. С. 21–33. [Kupriyanov V.A. Rossiya i Evropa v rannem i pozdnem slavyanofil'stve (A.S. Homyakov i V.I. Lamanskij) // Solov'evskie issledovaniya. 2018b. № 2. S. 21–33.]

[35] Ламанский 1857. С. 39.

Ламанский В.И. О распространении знаний в России // Современник. Литературный журнал. 1857. Т. LXIII. С. 1–46. [Lamanskij V.I. O rasprostranenii znanij v Rossii // Sovremennik. Literaturnyj zhurnal. 1857. T. LXIII. S. 1–46.]

[Ламанский В.И.] Этнографический очерк восточной Галиции. Статья г. Циммермана // Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. Ч. XXVI. Отд. V. С. 83–92 [[Lamanskij V.I.] EHtnograficheskij ocherk vostochnoj Galicii. Stat'ya g. Cimmermana // Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1859. CH. XXVI. Otd. V. S. 83–92].

Лаппо-Данилевский А.С. Записка А.С.Лаппо-Данилевского о деятельности губернских ученых архивных комиссий // Известия Императорской Академии наук. V серия. Т. XXII. 1905. № 1. С. OIII–OVII [Lappo-Danilevskij A.S. Zapiska A.S. Lappo-Danilevskogo o deyatel'nosti gubernskih uchenyh arhivnyh komissij // Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk. V seriya. T. XXII. 1905. № 1. S. OIII–OVII].

Лаппо-Данилевский А.С. Из старинных сношений России с западною Европой // ЖМНП. Ч. CCXXXIII. 1884. Май. С. 21–38. [Lappo-Danilevskij A.S. Iz starinnyh snoshenij Rossii s zapadnoyu Evropoj // ZhMNP. 1884. Maj. S. 21–38.]

Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag Gmb&Cie, 2005. 462 с. [Lappo-Danilevskij A.S. Istoriya politicheskih idej v Rossii v XVIII veke v svyazi s obshchim hodom ee kul'tury i politiki. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag Gmb&Cie, 2005. 462 s.]

Лаппо-Данилевский А.С. Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907. С. 211–308 [Lappo-Danilevskij A.S. Pechati poslednih Galichsko-Vladimirskih knyazej i ih sovetnikov // Boleslav-YUrij II, knyaz' vsej Maloj Rusi. SPb., 1907. S. 211–308].

Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: «Индрик», 2005. 848 с. [Lapteva L.P. Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke. M.: «Indrik», 2005. 848 s.]

Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский и проект издания сборника «Русская наука» // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. № 2. С. 269–282 [Malinov A.V. A.S. Lappo-Danilevskij i proekt izdaniya sbornika «Russkaya nauka» // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 2016. № 2. S. 269–282].

Малинов А.В. В.И. Ламанский vs Н.Г. Чернышевский: из истории забытой полемики // Русин. 2018. № 2. С. 41–59 [Malinov A.V. V.I. Lamanskij vs N.G. CHernyshevskij: iz istorii zabytoj polemiki // Rusin. 2018. № 2. S. 41–59].

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НИИР, 2004. 352 с. [Rostovcev E.A. A.S. Lappo-Danilevskij i peterburgskaya istoricheskaya shkola. Ryazan': NIIR, 2004. 352 s.]

Семенов-Тян-Шанский В.П. То, что прошло. В 2 т. Том первый 1870–1917. М.: Новый хронограф, 2009. 678 с. [Semenov-Tyan-SHanskij V.P. To, chto proshlo. V 2 t. Tom pervyj 1870–1917. M.: Novyj hronograf, 2009. 678 s.]

Смагина Г.И. «Достойным образом представить русскую науку». К 100-летию создания комиссии по изданию сборника «Русская наука» // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 1. С. 9–22 [Smagina G.I. «Dostojnym obrazom predstavit' russkuyu nauku». K 100-letiyu sozdaniya komissii po izdaniyu sbornika «Russkaya nauka» // Sociologiya nauki i tekhnologij. 2016. T. 7. № 1. S. 9–22].

Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы / Отв. ред. чл.-корреспондент РАН Ю.М. Батурин: ред.-сост. В.М. Орёл, Г.И. Смагина. СПб.: М., 2016. 848 с. [Sud'ba proekta «Russkaya nauka». 1916–1920 (K 100-letiyu Komissii po izdaniyu sbornika «Russkaya nauka»): Stat'i i dokumenty / Otv. red. chl.-korrespondent RAN YU.M. Baturin: red.-sost. V.M. Oryol, G.I. Smagina. SPb.: M., 2016. 848 s.]

Hirsch F. Secrets d'État de Venise. Documents, extraits, notices at études servant à éclaircir les rapports de la seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte ottomane à la fin du XVe et au XVIe siècle by Vladimir Lamansky // Historische Zeitschrift. Bd. 52, H. 2 (1884), pp. 373-379. (Review)

Малинов Алексей Валерьевич, *доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; a.v.malinov@gmail.com*

Dialogue of generations: A. S. Lappo-Danilevsky and V. I. Lamansky

The article analyses the relationships between two scholars belonging to different generations: V.I. Lamansky, a Slavic Scholar, and A.S. Lappo-Danilevsky, a historian. It is emphasized that they supported two different ideological and philosophical movements: Slavophilism, on the one hand, and Westernizm, on the other. At the same time, a general philosophical approach to history was the fact which united both scholars. Lamansky's philosophy of history continued Slavophile historiosophy and partly anticipated Eurasianist historical conception. Lappo-Danilevsky was rather focused on dealing with theoretical-methodological and epistemological issues of historical scholarship by taking into consideration philosophical ideas proposed by Positivism and Neo-Kantianism. Russian 18th century history became a common research topic of both scholars. The collaboration in the Academy of Sciences Commissions also contributed to the friendship between Lamansky and Lappo-Danilevsky. The author quotes the preserved correspondence of two scholars which allows to trace partly the details of their relationships.

Keywords: Lappo-Danilevsky, Lamansky, history, philosophy of history, university, Academy of Sciences, correspondence, Slavophilism

Alexey Malinov, *Dr. Sc. (Philosophy), Professor, St. Petersburg State University; a.v.malinov@gmail.com*